

И. М. Долгорукий

Славный бубный за горами

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. М. Долгорукий**
Славный бубный за горами / И. М. Долгорукий – М.: Книга по Требованию, 2019. – 365 с.

ISBN 978-5-518-07674-7

ISBN 978-5-518-07674-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

пись Записокъ, которыми біографъ, не смотря на короткое время, воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ нужныя для себя выписки» (Предисловія стр. I—II).

Изъ сихъ прозаическихъ произведеній Князя Ивана Михайловича Долгорукаго Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ имѣетъ нынѣ въ своемъ распоряженіи: «Путешествія» его, которыми и спѣшитъ подѣлиться съ своими читателями. Оно получило ихъ, благодаря посредству Д. Члена своего, Н. В. Сушкова, отъ супруги одного изъ сыновей сочинителя, Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, Княгини Софьи Никаноровны Долгорукой, опекунши дѣтей покойнаго своего супруга, Княженъ Натальи Дмитриевны, Фрейлины Ея Императорскаго Величества (съ Апрѣля, 1867 г.), и Екатерины Дмитриевны, единственныхъ нынѣ старшихъ представительницъ старѣйшей вѣтви Княжескаго Долгоруковскаго рода, какъ происшедшихъ отъ поколѣнія мужескаго, и по сему владѣтельница всѣхъ историческихъ и письменныхъ памятниковъ послѣ Князя Ивана Михайловича. Ибо изъ многихъ дѣтей послѣдняго (отъ первой жены, Евгеніи Сергѣевны Смирновой, воспитанницы Великихъ Княгинь, Натальи Алексѣевны, Принцессы Дармштатской, первой супруги Павла Петровича, и Маріи Θεодоровны, второй супруги его же, имѣль дѣтей 10 человекъ) только три сына были женаты: Павелъ, самый старшій (р. 1787 г., Ноября 21, у. 1845, Февраля 8), крестникъ Императора Павла Петровича, женатый на Княгинѣ Елисаветѣ Петровнѣ Голицыной; Александръ (ск. на 76 году отъ рожденія, 7-го Декабря, 1868), два раза женатый: на Колошиной и Баронессѣ Аннѣ Львовнѣ Боде; оба не оставившіе по себѣ потомства; и Дмитрій, младшій изъ всѣхъ, который находился до своей смерти постоянно на Государственной службѣ, никогда не былъ въ отставкѣ, не получалъ ни какихъ особыхъ денежныхъ наградъ и пособій, и не дожилъ лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до дня юбилея своей 50-лѣтней службы. Родился онъ въ Москвѣ, 10-го Августа, 1797, воспитывался почти исключительно дома; выдержавъ испытаніе на Студента, посѣщалъ Московскій Университетъ, а въ Генварѣ, 1816 г., поступилъ на

службу въ Московское Губернское Правленіе; отправясь въ Петербургъ, находился нѣкоторое время при Д. С. Ланскомъ въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, а въ 1819 опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Тутъ онъ получилъ первый Офицерскій чинъ въ 1818 г., служа сперва при Графѣ Каподистріи, который отправилъ его къ нашему Посольству въ Царьградъ 1820 г. Дѣйствія тогдашняго нашего Посла, Графа Г. А. Строганова, дяди его, служили ему примѣромъ поступать рѣшительно и смѣло, что онъ и оказалъ въ особенности на Востокѣ: съ этого времени онъ постоянно находился въ заграничной службѣ. Изъ Царьграда 1822 посланъ былъ онъ въ Римъ, гдѣ пробылъ по 1826: за тѣмъ переведенъ въ Мадридъ, изъ коего, 1830, въ Лондонъ, а въ концѣ 1831 въ Голландію: тутъ, по отъѣздѣ Графа Гурьева, два года управлялъ въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, какому мѣсту въ то время придавалось особое значеніе по случаю Голландо-Бельгійскихъ дѣлъ; въ 1838 изъ Гаги перешелъ въ Неаполь, и оставался въ немъ до 1843, а изъ Неаполя поступилъ Совѣтникомъ Посольства въ Царьградъ при В. П. Титовѣ; послѣ же, въ 1845 г., назначенъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Персію, въ коей въ 9-лѣтнее пребываніе оказалъ весьма немаловажныя услуги своему Отечеству. Но смерть первой жены его (Голландки, Марьи Ивановны Десвордъ, отъ коей Княжна Наталья Дмитриевна), скончавшейся, во время лѣченія, въ Тифлисѣ, и устройство семейныхъ дѣлъ заставили Князя просить увольненія въ Россію, и онъ, послѣ 36-лѣтняго отсутствія, въ Іюль, 1854 г., оставилъ Персію, при чемъ сдѣлавъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ (въ 8 Департаментѣ) въ Москву, и здѣсь скончался, 18-го Октября, 1867 года. Находясь въ Испаніи, онъ три мѣсяца путешествовалъ по ней съ Вашингтономъ Ирвингомъ, съ которымъ долго потомъ переписывался. Былъ Членомъ Тиберинской, Аркадской, Археологической и Линчейской (Lincio) Академіи, а изъ Русскихъ Обществъ: Сотрудникомъ Географическаго, Почетнымъ Кавказскаго Сельскаго Хозяйства, Дѣйствительнымъ Садоводства, Членомъ Совѣта Художественнаго Общества и Дѣйствительнымъ Членомъ при Коммиссіи построенія храма Спасителя въ Москвѣ по

искусственной части, а за два дня до смерти получилъ извѣстіе, что избранъ въ Почетные Члены Академіи Художествъ; имѣлъ 1-ой степени Станислава и Анны, Персидскій Льва и Солнца, и портретъ Шаха при голубой лентѣ.

Я съ намѣреніемъ нѣсколько распространился о Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ, такъ какъ отъ его прямыхъ наслѣдниковъ идутъ издаваемые теперь прозаическія произведенія его славнаго отца, Князя Ивана Михайловича. Поселившись, наконецъ, на родинѣ своей, въ Бѣлокаменной, онъ, какъ «истинный наслѣдникъ отцовскаго ума и дарованій,» по выраженію старшаго изъ своихъ братьевъ, старался собрать все, что только осталось послѣ отца своего, еще не объявленнаго печатью во всеобщее свѣдѣніе, и что онъ, по собственному признанію, въ своемъ небольшомъ жизнеописаніи, самъ нѣкогда переписывалъ на бѣло, чѣмъ изучилъ Русскій языкъ и нечувствительно пристрастился къ литературнымъ занятіямъ. Завѣщаніе его много благопріятствовала вторая женитьба его. Князь Иванъ Михайловичъ былъ очень друженъ съ Михайломъ Николаевичемъ Зиновьевымъ, женатымъ на Аннѣ Никаноровнѣ Хитрово, родной сестрѣ Никанора Никаноровича, отца Софьи Никаноровны, супруги Князя Дмитрія Ивановича. Съ Михайломъ же Николаевичемъ онъ познакомился и подружился, будучи посаженнымъ отцомъ Екатерины Николаевны Лопухиной, родственницы своей и матери Софьи Никаноровны, по выходѣ ея за Никанора Никаноровича Хитрово. Дочь этого Зиновьева и двоюродная сестра Софьи Никаноровны, Вѣра Михайловна Өомина (супруга бывшаго нѣкогда Бобруйскаго Коменданта), узнавъ о поискахъ Князя Дмитрія Ивановича за неизданными сочиненіями его отца, вручила ему (16-го Октября, 1861 г.) какъ всѣ «Письма (съ 30-го Марта, 1816, по 15-ое Октября, 1823 г., въ прекрасномъ переплетѣ. На выходномъ листѣ ихъ означено: «Письма Князя Ивана Михайловича Долгорукаго къ Михайлу Николаевичу Зиновьеву. 1816—1823.» На особомъ листкѣ сказано: «При настоящихъ письмахъ находятся: эскизъ съ портрета Князя Ивана Михайловича, писанный знаменитымъ Англійскимъ художникомъ «*Sir David Wilkie*» (Стихи М. А. Дмитріева въ память «Пѣвцу Каминна»), и слѣдующія рукописныя стихотворенія Князя Ивана Михайло-

веча: 1-ое, Въ деревнѣ жить!... письмо 21. 2-ое, Фанатикъ... 27. 3-ье, Чистый Понедѣльникъ... 59. 4-ое, Взглядъ старца на заходящее солнце 64) Князя Ивана Михайловича къ ея отцу, Михайлу Николаевичу Зиновьеву,» числомъ 72, весьма замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ, такъ равно цѣлыхъ 5-ть книгъ «Путешествій», доставшихся ей послѣ ея отца. Съ Зиновьевыми, стало быть, Князь Иванъ Михайловичъ находился и въ родственной связи по Хитровымъ и Лопухинымъ; въ семействѣ же послѣднихъ, по словамъ его (въ «Капищѣ сердца»), онъ былъ искренно любимъ. О знакомствѣ съ Зиновьевымъ онъ отмѣтилъ (тамъ же) слѣдующее: «Михаилъ Николаевичъ Зиновьевъ. Стихи меня съ нимъ познакомили и сдѣлали насъ хорошими пріятелями подъ старость. Онъ ведетъ со мной дружескую переписку. Живучи всегда въ Орловской своей деревнѣ, мало имѣетъ случаевъ со мной лично видѣться; тѣмъ занимательнѣе наши сношенія. Онъ такъ меня любитъ, что безъ восторга говорить о произведеніяхъ моихъ не можетъ. Недавно онъ, переводя осьмую сатиру Буало, поручилъ ее моему разсмотрѣнію, и потомъ, напечатавъ оную, посвятилъ мнѣ съ привѣтствіемъ въ стихахъ (Москва. Въ типографіи Семена, 1822 г., въ 4 д. л.). Я также часто къ нему писывалъ деревенскія посланія, изъ коихъ можно видѣть степень нашей взаимной короткости. Богъ знаетъ, долго ли протянется новое мое отношеніе; но поелику оно началось уже за 50 лѣтъ моей жизни, то, вѣроятно, не подвергнется измѣненіямъ слѣпаго случая, тѣмъ болѣе, что и онъ не много отсталъ отъ меня годами.»

Нѣтъ ни чего по тому удивительнаго, что Зиновьевъ озаботился получить списокъ произведеній своего, высоко имъ цѣнимаго и любимаго, друга, а послѣдній, отвѣчая ему равнымъ же, не отказалъ въ желаніи. Разумѣется, списокъ этотъ долженъ быть самый надежный; судя же по письму, вездѣ четкому, и выправленъ старательно въ сомнительныхъ мѣстахъ. Всѣ пять книгъ, въ обыкновенный листъ (кромѣ «Второго путешествія въ Кіевъ,» которое въ большой), на плотной бумагѣ: кѣмъ писаны, не означено, но не однимъ писцомъ: впрочемъ, первыя двѣ книги «1-го путешествія» принадлежатъ одному перу, третья другому и гораздо размахистѣе; четвертая, содержащая «Путешествіе въ Нижній,» писана по лифѣйкамъ, съ рамками, и

въ концѣ ея сказано: «Сіе путешествіе списывалъ Михайло Николаевичъ Щукинъ въ 1828-й и 1829-й годахъ.» Пятая же книга: «2-е путешествіе въ Кіевъ, въ 1817 году,» принадлежитъ еще иному перу. Какъ на этомъ путешествіи, такъ и на прочихъ, на оборотѣ выходнаго (заглавнаго) листа, въ самомъ верху, находится надпись, сдѣланная Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ: «Экземпляръ Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго. Подаренъ ему Вѣрой Михайловной Фоминной, рожденной Зиновьевой, въ 1861 году.» На всѣхъ же пяти книгахъ, внутри 1-й переплетной доски, по середкѣ, приклеенъ, на бѣлой бумажкѣ, печатный гербъ Долгорукихъ, съ надписью вокругъ него церковными буквами: «Князь Дмитрій Ивановичъ Долгорукой,» а на выходномъ листѣ «2-го путешествія въ Кіевъ,» въ слѣдъ за его заглавіемъ: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году,» приписано имъ же: «Сочиненіе Князя Ив. Михайловича Долгорукаго.» Первые три книги содержатъ: «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 года,» четвертая: «Путешествіе въ Нижній 1813 г.,» а пятая: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году.» «Въ одномъ экземплярѣ «1-го путешествія,» впрочемъ, неполномъ (именно, описывающемъ пребываніе въ Кіевѣ до отъѣзда изъ него), бывшемъ у меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ и принадлежащемъ М. Д. Х—ву, есть глава, которой не находится въ спискѣ Зиновьевскомъ: въ ней содержится слово неудобно сказанное во всеуслышаніе, и по тому, полагаю, выпущенное въ послѣдствіи самимъ ли сочинителемъ, или же его другомъ; встрѣчаются, кромѣ того, еще два, три, мѣста въ этомъ путешествіи, коихъ въ спискѣ Зиновьева нѣтъ; и по тому, издавая его по этому списку, я не имѣлъ права привносить въ оный со стороны ни чего такого, что ему противорѣчитъ, тѣмъ болѣе, что и этѣ мѣста одного и того же разбора съ упомянутой выше главою.

Relata refero in acta.

О. Бодянский.

Москва.

28 Іюня, 1869 г.

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОКУДА 1810 ГОДА.

Г Л А В А I.

Выѣздъ изъ Москвы.

Уѣхалъ бы въ Парижъ, по тому что люблю шумъ, гамъ, театръ, роскошь, и прочее, и прочее; а гдѣ всего этого болѣе, какъ не во Франціи? Но у кого нѣтъ ни вотчинъ, ни денегъ, тотъ живетъ, какъ Богъ велитъ. Мнѣ вздумалось проѣхать: все дома, да дома, наскучить и мудрецу. Общая молва, журналы, вѣдомости мнѣ вскружили воображеніе. Я рѣшился, и поѣхалъ съ женою и съ четырьмя домашними товарищами, въ Одессу.

Выѣхали мы очень поздно изъ Москвы, 10-го Іюня. На силу добились лошадей. Всѣ наши спутники и слуги отстали. Я, съ женой, въ открытой коляскѣ помчался, перекрестясь, и за заставой, какъ новый Хоревъ, обратясь къ Москвѣ, сказалъ:

Тебя ли, родина, забуду,
Москва, мой отчій домъ, мой рай?
Доколь жить на свѣтѣ буду,
Москва, ты мой избранный край!

Однако, чего не дѣлаетъ фантазія! Буду безъ нужды, безъ цѣли, только чтобъ ѣхать. Охота пуще неволи. Дожди проливные испортили всю дорогу; грунтъ до Серпухова глиняной. Грязь по колѣно; путь горчистой и тяжелой. А по ночамъ не ѣзжу.

У всякаго свой вкусъ; меня такъ никогда
Ночной порою путь отнюдь не заблываетъ.

Достигли мы до подмосковной Князя Трубецкаго. Тутъ разсудили дождаться своихъ и коекакъ переночевать. Поварня наша услана была впередъ, въ Подольскъ. Худое приключеніе для аппетита. Съ какой радостью, вошедши въ избу, узналъ я, что помѣщикъ этого селенія, не далеко отъ него живущій, тотъ самый Князь Трубецкой, у котораго я игрывалъ на театрѣ; что эта деревня та самая, въ которой бывали разныя лѣтнія увеселенія! Я послалъ ему объ насъ сказать; онъ выслалъ хлѣбъ-соль, хорошій ужинъ, добрую бутылку вина, мягкую постелю. Какое для странниковъ благодѣаніе! Между тѣмъ догнали насъ и наши. Мы отъужинали, и очень крѣпко уснули.

Подмосковная—прекрасная. Выѣхавши изъ нея, я оставилъ хозяину записочку:

Спасибо, милый Князь, тебѣ за угощенье,
За хлѣбъ-соль, за постель—сокровище въ пути!
Моложе сдѣсь дѣлалъ твое увеселенье,
Подъ старость здѣсь же Богъ привелъ ночлегъ найти.

По утру мы проскакали Подольскъ. Городокъ изрядной, расположенъ хорошо, разбитъ на двѣ части; рѣка Пахра ихъ раздѣляетъ, воды въ ней много. Бѣлаго известковаго камня въ городѣ пропасть; всѣ дома на фундаментахъ и у многихъ крыльцы изъ него сдѣланы. Здѣсь нашелъ я нашихъ Володимерскихъ каменщиковъ, и очень имъ обрадовался. Дѣйствіе привычки! Одинъ изъ нихъ на вопросъ: «Кто у нихъ Исправникъ?» отвѣчалъ: «Не знаю; мнѣ до него никогда дѣла нѣтъ.» Счастливыя поселенины! Онъ не знаетъ Исправника. Въ избѣ, гдѣ мы, въ 9 часовъ утра, съѣли ужинъ, который насъ ждалъ на канунѣ, мы любовались на разныя картины и надписи, на примѣръ: Кесарь изображенъ въ латахъ и надъ нимъ:

Прохожій! стань во фронтъ, скинь щлагъ
И читай:
Я грамотѣ не зналъ за недосугомъ.
На право кругомъ
Ступай!

И въ Подольскѣ есть свои затѣйники. Городъ подмосковный.

Дорога Серпуховская мучительна въ ненастье. Каждой часъ поливалъ насъ дождь и холодный вѣтеръ продувалъ до костей. Горы, недомостки, грязь—все бѣсило. Первый опытъ добровольнаго странствованія! Осень около Москвы покрывала поля, какъ бархатъ, и обѣщала плодоносную осень.

Мы встрѣчали большіе гурты рогатаго скота. Это все, думалъ я, *boeuf-steks* для столичныхъ Лукулловъ. Часто намъ попадались разнощики съ шелковыми товарами. Все ѣдетъ въ Москву: туда имъ и дорога! Гдѣ же быть роскоши и красотѣ, какъ не тамъ? Мы объѣхали нѣсколько кибитокъ, наполненныхъ Донскими Казаками: они изъ Петербурга ползли на родину,—иные въ отпускъ, иные въ отставку. Нѣкоторые изъ нихъ переплели между кузова и колеснаго стана версаки, и на нихъ, какъ въ выбкѣ, качались: у всякаго своя роскошь! Съ ними въ одномъ обозѣ везли деревья въ кадкахъ и птицъ въ клеткахъ. Видно, что между ими были свои Бюффоны и Линнеи.

Живописныхъ видовъ на этомъ пути около Москвы я не примѣтилъ. По сторонамъ встрѣчаются хорошія селы, большіе барскіе дома съ садами. Впрочемъ, крестьянское строеніе очень мелко и бѣдно; избы одножилыя, большею частію крытыя соломой. Прячина наружи—лѣсу нѣтъ.

Мы обѣдали въ селеніи, называемомъ Лопасня, за крестьянскимъ столомъ, сидя на лавкахъ, на открытомъ воздухѣ. Тутъ была мірская сходка. Я подошелъ къ толпѣ. Одинъ мужикъ кричалъ другому: «Для меня міръ важнѣе барина!» Слава Богу! И мужики входятъ во вкусъ политической свободы.

Г Л А В А II.

Серпуховъ.

Мы пріѣхали сюда одвольно рано; можно было еще ходить смотрѣть, записывать.

Съ Московскоі стороны городъ не красивъ: онъ сидитъ въ долу, но довольно обширенъ. Взглянемъ сперва вдругъ. Мостовыя всѣ изъ бѣлаго камня: причина уже извѣстна; домовъ каменныхъ много; лабазовъ и лавокъ довольно; церквей не мало. Я нащелъ здѣсь стараго знакомца и подчиненнаго. Г-нъ К. всегда любилъ дисциплину. Онъ меня принялъ ласково, угостилъ дружелюбно, и далъ почевать въ своемъ домѣ. Управляя почтою, онъ самый интересный обыватель для путешествующихъ. Водилъ меня охотно вездѣ, не смотря на подагру, и хвасталъ всѣмъ тѣмъ, что и безъ дальнихъ похвалъ правилось.

Прежде всего взошли мы на развалины старинной крѣпости: ее строилъ Царь Иванъ Васильевичъ. Подивитесь, что есть еще какой ни будь ея остатокъ! Сколько ни старались въ ближайшихъ годахъ ее разорить, для того, думаю, чтобъ матеріалами ея воздвигнуть новое зданіе, которое также опять внуки наши примутъ въ ломы, все еще руины ея и до сихъ поръ безподобны. Я до изумленія плѣнялся той стороною стѣны, которая выпуклостію своею образуетъ прекраснѣйшій Римскій портикъ. Эстампъ рѣдкой! Взоръ оттуда на рѣку; наружность удваиваетъ прелесть мѣста. Я поднимался на самую стѣну, и все мнѣ вокругъ правилось. Я увѣренъ, что если бы живописецъ раскрасилъ этотъ ландшафтъ на холстѣ и сталъ продавать за Итальянскоі видъ свою картину, всѣ бы дорогою цѣною ее купили, лучшія комнаты домовъ ею убрали и гостямъ бы стали съ восхищеніемъ показывать. Но это руина въ Серпуховѣ, и изъ тысячи челоуѣкъ, кои туда пріѣзжали для прогулки, какъ я, можетъ быть, два, или три, глаза на нее бросили. Странное предубѣжденіе: свое всегда постыло. Я желаю, чтобъ этѣ ветхія стѣны простояли еще столѣтъ: и тогда любопытный станетъ еще на нихъ глядѣть съ